

В заключение отметим такой факт. В 2007 г. нами было проведено социологическое исследование, посвященное проблемам реализации семейной политики в современных условиях (в нем приняли участие 540 жителей Магнитогорска и 200 жителей Агаповского района Челябинской области). На вопрос «Что для Вас является самым важным в семейной жизни?» и городские (88,0%), и сельские (92,0%) респонденты назвали «здоровье членов семьи». Помочь семье в поддержании и укреплении ее физического и психического здоровья и должен специалист по социальной работе в системе здравоохранения.

О.Г.Олехнович

**«РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» – ГЛАВНОЕ «ОРУЖЬЕ»
В ВОСПИТАНИИ БУДУЩЕГО ВРАЧА
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Каждый говорящий на родном языке считает, что в той или иной мере знает его. Если внимательно прислушаться и присмотреться к тому, что вокруг говорят и пишут по-русски, легко впасть в уныние и решить, что с великим русским языком покончено. Это, конечно, не так. В любые времена были люди, блестяще владеющие русским языком, и те, кто изъяснялся на нем с трудом. Если мы не нуждаемся в словаре, читая А.С.Пушкина или Л.Н.Толстого, значит, русский язык жив. Язык здесь ни при чем, пока есть люди, умеющие им пользоваться. Язык – явление социальное, а не индивидуальное. Тот факт, что среди нас «расплодилось» много безграмотных людей, стал очевиден и для неспециалистов. Все чаще нам приходится слышать неприятную и невразумительную речь, обрастающую нецензурными словами и словами-паразитами. Беспокоит и то, что число людей, говорящих на «новом» русском становится больше.

О современном грамотном интеллигентном враче, к сожалению, приходится говорить с большой осторожностью. А ведь среди русской интеллигенции традиционно именно врачи считались самыми образованными. Их всегда отличало умение владеть языком в разных языковых ситуациях. Последние 10-20 лет (ничтожный срок для развития языка) изменили язык до неузнаваемости. Изменения коснулись всех разделов языка и, в первую очередь, условий его употребления. Если использовать лингвистическую терминологию, то можно говорить об изменении языковой ситуации и появлении новых типов дискурса. Общение человека из семидесятых годов с человеком из девяностых вполне могло бы закончиться коммуникативным провалом из-за простого непонимания языка и, возможно, несовместимости языкового поведения. В качестве подтверждения

достаточно указать наиболее заметное, хотя и не самое интересное изменение: появление огромного количества новых слов (в том числе заимствований) и также исчезновение некоторых слов и значений, то есть изменение русского лексикона. Очевидно, что и сами языковые изменения, и их скорость в данном случае вызваны не внутренними причинами, а внешними, а именно – социальными преобразованиями и пертурбациями, или, иначе говоря, изменениями в жизни русскоязычного общества. Прежде чем говорить о современном языке, следует вспомнить его недавнюю историю.

XX век оказался чрезвычайно интересным не только для историков, но и для лингвистов. По существу, над русским языком был проведен потрясающий по масштабам и результатам социолингвистический эксперимент. В нынешнем столетии с ним сравним, пожалуй, лишь эксперимент над немецким языком, но это предмет отдельного разговора. Две крупные социальные встряски – революция и перестройка – затронули не только народ, но и язык. Под влиянием происходящего русский язык изменялся сам, и, кроме того, на него целенаправленно воздействовала власть, ведь язык был ее мощным орудием. Об изменениях в языке, их социальных причинах и последствиях в конце 1980-х и в 1990-е гг. хлынул поток публикаций. Суть их сводится к тому, что в советский период дело с языком обстояло очень плохо, но «сейчас» все еще хуже.

Причины же выдвигаются следующие. В советскую эпоху язык был бюрократизирован и зажат в тиски цензуры и самоцензуры и к тому же служил инструментом манипулирования сознанием и промывки мозгов. Ну а в постсоветское время все как-то разом стали абсолютно безграмотны, никаких вам правил или норм, так что впору говорить о распаде языка. К внутренним проблемам добавилась экспансия английского языка и, как следствие, порабощение некогда великого и могучего его чужеземным собратом. В качестве рецептов спасения рекомендуются разные: одни говорят о возвращении к корням и истокам, другие – о курсах риторики (например, для депутатов и премьер-министров). Но все специалисты сходятся в том, что необходимо повышать общую культуру.

В советское время возникла любопытная, но никак не уникальная ситуация, которая в лингвистике называется *диглоссией* (греч. «двуязычие»), то есть сосуществование двух языков или двух форм одного языка, распределенных по разным сферам употребления. Наряду с обыденным русским языком возникла (или была создана) еще одна его разновидность. Ее называют по-разному: советским языком, деревянным языком, канцеляритом (слово К.И. Чуковского), но лучше всех (и лучше лингвистов) про это написал английский писатель Дж. Оруэлл. И поэтому его «*новояз*» (в оригинале «*newspeak*») стал самым привычным названием лингвополитического монстра. Диглоссия случалась и раньше и на самой Руси, и в

других обществах. Так, в Древней Руси соседствовали разговорный русский язык и литературный церковно-славянский. Позже в XVIII в. русскому языку пришлось делить собственный народ (точнее, только дворянство) с пришельцем – французским языком. В действительности в советском обществе употреблялись и другие формы языка, например, просторечие, сленг и т.п. Все эти формы почти не взаимодействовали между собой, поскольку относились к разным слоям общества и к разным ситуациям общения. В речах, газетах и на партсобраниях царил «новояз», на кухнях и во дворах – разговорная речь, литературная или просторечная в зависимости от речевой ситуации и ее участников. Советский человек отличался тем, что умел вовремя переключать регистры: «двоемыслие» (по Оруэллу) порождало «двуязычие», и наоборот.

Единственной, пожалуй, ощутимой потерей на этом пути развития речи стала почти всеобщая утрата языкового вкуса. Языковая игра, построенная на совмещении разных слоев языка (примеров в советский период множество: В.Высоцкий, А.Галич, В.Ерофеев и др.), или просто использование ярко выраженного социального стиля (например, М.Зощенко, М.Булгаков или А.Платонов) теперь едва ли возможны. Чтобы достичь такого высокого уровня, знание родного языка должно гармонично сочетаться с творческим потенциалом. Этому научить практически невозможно.

Чтобы сдвинуть с места сложившуюся ситуацию, необходимо предпринять значительные усилия для подготовки высококвалифицированного специалиста всем преподавателям, но особенно грамотно нужно поработать преподавателям-лингвистам, которые помогут будущему врачу на фоне общих языковых «изъянов» определить индивидуальные речевые ошибки и научить их исправлять. Студенты первого курса, пытаясь проанализировать свою речь, невольно затрагивают общие проблемы, пишут о том, что их речь далека от совершенства, называют причины, среди которых чаще всего называют малоначитанность. Немногочисленный словарный запас не позволяет точно выразить мысли, невольно приходится использовать нецензурные слова и слова-паразиты. Некоторые обращают внимание на то, что это вошло у них в привычку, поэтому отказаться от них считают невозможным.

До недавнего времени профессиональная ментальность и специальная языковая компетенция врача формировалась постепенно. Будущие врачи вырастали в семьях врачей, они учились у родителей тем качествам, которые необходимы для овладения будущей профессией. Именно в семье закладывался фундамент для развития эстетического вкуса. Лишь изредка попадали в когорту врачей «случайные» люди. Но они, не имея той важной семейной преемственности, очень много работали над собой и, прежде всего, много читали. Ярким примером может служить Федор Углов, возраст которого перевалил за столетний рубеж, он остается долгожителем и

в медицине. Хирург с многолетним стажем делится своими воспоминаниями в книгах, в которых не скрывает трудности избранной профессии, он пишет о тех качествах, которые помогли их преодолеть и стать настоящим врачом. Многие студенты УГМА к собственному своему удивлению с интересом читают написанную Ф. Угловым книгу «Сердце хирурга».

Нельзя не упомянуть о сложившейся ситуации в базовой подготовке студентов. Реформа школы привела к снижению общей грамотности, с каждым годом в высшей школе преподаватели все чаще обращаются к так называемым «школьным» темам, которые должен знать каждый школьник, но из школы мы получаем все больше средненьких абитуриентов, из которых очень трудно подготовить профессиональных специалистов. Дело здесь не в преподавателях, а в том, что сам студент не проявляет интереса к образованности, порой ему не хватает желания, а если есть желание, то мешают отсутствие элементарных человеческих качеств – усидчивости и трудолюбия, ко всему прочему все чаще среди студентов встречаются нетерпеливые и невнимательные. Ошибки у студентов младших курсов встречаются на всех уровнях языка – фонетических, лексических, грамматических (морфологических и синтаксических), словообразовательных, стилистических.

Фонетические ошибки. Неправильная постановка ударения (плюсна, скула) и искаженное произношение слов (горчичник вместо горчишник, гэралефт вместо терапевт, дэпрэссия вместо депрессия, асма вместо астма и пр.). Правда, даже некоторые филологи считают эти ошибки незначительными. Но больше всего волнует то, что студент не задумывается над тем, как правильно произнести слово, как сохранить отзвук многолетней общечеловеческой работы. Грустно, что его не волнует, как правильно произносится родное слово. И порой неоправданное смещение акцента настораживает. «Моя речь имеет свои особенности. Я очень быстро говорю, проглатываю некоторые звуки, делаю ударение на "о". Когда я пытаюсь говорить быстро, я начинаю жевать слова, а иногда просто могу забыть нужные».

Лексические ошибки. Не лучше обстоит дело с лексическим запасом. Порой студент не знает значения отдельных слов, которые должны быть хорошо известны: «Я считаю, что речь и язык две *бесценности*, которые нам даны». Зато «удивляет» внушительный запас варваризмов (заимствованных слов, в основном из английского языка, которые заменяют устоявшиеся русские): шоп, шопинг, консалтинг становятся модными: «бойфренд» ценится более высоко, чем родное «друг». Студент почему-то проще поддается влиянию чужеродного.

Поскольку поток информации очень большой, самыми популярными становятся периодические издания. Просмотровое и ознакомительное чтение резко потеснило чтение изучающее. Нас больше интересует сама

информация, меньше анализируется ее достоверность, а как подается эта информация, некоторых совсем не интересует. Тексты средств массовой информации – законодатели речевой моды, но не языковой нормы и речевой культуры. Художественная литература все больше отходит на второй план. Хорошая литература требует не только огромного количества времени, она ворошит интеллектуальные силы, будит мозг, развивает личность. Приведу лишь немногочисленные примеры из работ студентов первого и второго курса. Изложение прочитанных дома произведений А.П.Чехова: «Во рту у него (больного) *горело*, в ногах и руках *стояли* боли, в голове *бродили* туманные образы»; «В сельской больнице *вместо* врача *замещал* фельдшер» («Хирургия»); «Прочитав рассказ Чехова “В аптеке”, я не могу сказать, что *во мне появилось много мыслей*» («В аптеке»); «Лиза не страдала каким-то серьезным заболеванием, *ее проблемами* в тот момент были только ее *мать* и *гувернантка*, *сильное сердцебиение по ночам* и *бессонница*» («Случай из практики»).

Грамматические ошибки. Цитата из одного сочинения «наша речь замечательна тем, что в ней нет грамматики» хорошо отражает непонимание роли грамматики в языке. Отсюда возникают многочисленные ошибки, нарушающие не только логику, но и смысл сказанного. Читать и слушать такую речь невозможно.

Более заметными становятся *морфологические* ошибки – неправильное использование словообразовательных морфем, на которые еще 10 лет назад мы не обращали никакого внимания, потому что они встречались не часто, зато сейчас такие примеры многочисленны. Некоторые из них («я стараюсь говорить *вдуманно*», «чтение открывает дорогу к развитию и улучшению *словесного запаса*», «фельдшер, *отхамив* в ответ...») режут слух.

Синтаксические ошибки. Использование глаголов в разных временах: «Однажды к нему (фельдшеру) *пришел* дьячок Вонмигласов и *жалуется* на зубную боль». Из-за неверно грамматически построенного предложения искажается смысл. Неуместное использование предлога делает ненужной вспомогательную часть речи: «В итоге долго и безграмотно *пытается* вырвать зуб *из пациента*» («Хирургия»).

Стилистические ошибки. Неумение понять то, что только что прочитано, рождает стилистическую неграмотность: «В рассказе Чехова “В аптеке” описана халатность и наплевательское отношение людей в белых халатах к больным, которые считают каждую секунду своей оставшейся жизни. Бедный и ослабленный старик готов ждать хоть сколько, лишь бы получить именно тот препарат, который продлевает ему жизнь»; «Он (врач) осмотрел девушку, но ничего серьезного не нашел. Но позже, наблюдая за жизнью в этом доме, он понял, что на больную давит груз ответственности, так как она наследница. Он намекнул, что есть выход – из-

бавиться от ответственности. Но она в итоге не согласилась. Я думаю, что смысл в том, что человека могут погубить ответственность и ожидания окружающих». Свой стиль никогда не появится, если останется непонимание прочитанного.

Чаще всего встречается целый комплекс ошибок: «Когда Сергей Кузьмич заглянул (орф.) к нему в рот (нет запятой – пунктуац.) то увидел там среди желтых от табака зубов огромное дупло в старом массивном зубе (стил.); «Фельдшер, *отхамив* (стил. и грам.) в ответ, *заставил сесть во второй раз* (лексич. – реч. недостаточность)» («Хирургия»).

Речевой этикет. Человеку свойственно больше всего ошибок искать не у себя, а у других. Это относится и к языку: «Ведь совершенно невозможно слушать визгливую учительницу или диктора, вроде Шеремета, который говорит так, будто дожевывает завтрак...» Так пишет студентка во вводной части сочинения на тему «Моя речь». А другая студентка уже пишет о себе, затрагивая тему этикета речи – «Я очень вспыльчивая. и во время каких-то споров или различных трудных разговоров я могу нагрубить другому человеку. Ругаюсь очень громко, особенно когда меня выводят из себя, я кричу и жестикулирую руками».

За рамки приличия выходит употребление *инвективной* лексики: «Недавно приходилось использовать и нецензурную лексику. наиболее безобидные его формы, так как было принято в той среде, где я общался, для улучшения отношений и взаимного понимания друг друга»; «Чем лучше врач и пациент понимают друг друга, тем более точным будет диагноз». Даже из неверно построенного предложения понятно, что будущего врача беспокоит проблема общения с больным. И очень хорошо, если студент осознает недостатки своей речи – «Моя речь еще очень далека от совершенства. Я хочу, чтобы к окончанию академии она переросла из просторечной студенческой в профессиональную лексику». Желание исправить свой русский язык обязательно приведет к результату.

В последнее время обращают на себя внимание не только ошибки устной речи. Приведу примеры только тех, которые на протяжении долгого времени «мозолили» глаза. В одной городской детской поликлинике – вывеска, рассчитанная на многолетнее использование – «педиаторы». Лишь недавно после нескольких лет мне, наконец, удалось увидеть зачеркнутую ручкой букву «о». В авторитетном лечебном учреждении много лет висело объявление – «Все больные, не посещавшие поликлинику три года, сдаются в архив». А как забавно звучит двусмысленная рекламная вывеска на одном из «Салонов красоты» – «Мы из вашей изюминки сделаем виноградку». Такого рода надписи говорят не только о несостоявшемся языковом вкусе. Они напоминают о недоваренном или, наоборот, подгоревшем блюде, от вида которого исчезает аппетит.

Кроме того, чрезмерное увлечение компьютером ограничивает раз-

витие интеллектуальных способностей. Не развивается оперативная (от лат. *opus, -eris* п «труд») память, так необходимая будущему врачу, память, требующая огромных усилий для анализа, например, симптомов проявившейся болезни. Врач как никто другой должен уметь переработать огромный поток информации, из которого найти единственно правильное решение.

Что в сложившейся ситуации делать преподавателю? Его задача остановить процесс разрушения русского языка. Прежде всего, он должен заинтересовать студента достоинствами хорошей русской речи и самому быть при этом примером. Талантливый педагог В.А.Сухомлинский писал: «Словом можно убить – и оживить, ранить – и излечить, посеять смятение и безнадежность – и одухотворить». Человек, обладающий риторическими навыками и умениями, чувствует себя уверенно в самых различных ситуациях. Мы должны способствовать формированию навыков и умений речевого поведения. Не только побуждать молодых людей к чтению, но и учить анализировать прочитанное. Давать возможность студентам на всех без исключения дисциплинах чаще говорить вслух, учить активному прослушиванию, анализировать разного рода ошибки, чтобы студент допускал подобных ошибок как можно меньше.

Наша речевая среда в последнее время формируется средствами массовой информации, поэтому нужно знакомить студентов с периодическими изданиями, учить их анализировать различные жанры, подчеркивать достоинства, находить недостатки. Только критическое отношение к телевидению и газетным жанрам сформирует правильную позицию и создаст приоритет к определенным изданиям и передачам. Необходимо всегда обращать внимание на нравственные качества человека, которые так необходимы для воспитания будущего врача, его профессиональной ментальности и его эстетического вкуса.

Н.Г.Санникова

СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГ КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖЕР

Социальный менеджмент в системе образования имеет ряд особенностей. Он осуществляется в сфере педагогического «производства» и носит педагогический характер, являясь социально-педагогическим менеджментом. Отвечая за состояние своего «участка» социального пространства в образовательном или специализированном учреждении, социальный педагог должен на профессиональном уровне владеть всеми функциями управления, которые в литературе рассматриваются как этапы или «отно-